

Ну что, надо как-то начать, знать бы только как. Как полагается писать для широкой публики, чтобы та читала взахлеб, но при этом не захлебнулась? Понятия не имею! Никогда для широкой публики не напрягалась. Для узкой публики – да, дело было, но узкая публика специфична и давно привыкла к экстравагантности моего стиля. А тут вот подрядилась сгоряча создавать искусство для страждущих масс, а значит, ввязалась в абсолютно неведомый мне жанр. Одно дело, писать критические статейки для кучки яйцеголовых эстетов, другое – затеять возню с заведомой целью – создать продукт массового литературного потребления. А я, похоже, совершенно не подготовлена к массовому потреблению ни физически, ни умственно. Тем не менее уговор есть уговор, писать придется, и надо бы с чего-то начать. Но с чего?

В принципе есть масса вариантов. Например, можно описать место, где разворачивается текущее действие, сделать такое, скажем, природное вступление: ландшафт швейцарский, горный. Озеленение – лиственное и хвойное, хотя в основном лиственное. Озеро тоже присутствует в непосредственном зрительном

невдалеке, убажывая и без того затуманенный от девственных прелестей взгляд.

Или почему бы не замолвить несколько теплых слов про наш отель – местную достопримечательность и гордость окрестных сельчан? Почему бы не намекнуть невзначай о пятерке звездочек на фасаде или не описать бассейн и загорелые девичьи выступы, мелко подрагивающие на швейцарском ветерке? Отчего это нынешние девушки перестали их прикрывать? На мой взгляд, врезавшаяся между половинками попки лоскутная ниточка – весьма никудышная защита. Да и что, в конце концов, скрывает она? Да и от кого?

Можете назвать меня старомодной, назовите хоть старухой, да при этом ядовито добавьте: «выжившая из ума», но я все равно останусь при своем, так уж меня нерадиво воспитали: умело прикрытое тело останавливает на себе заинтересованный взгляд и рождает помыслы куда как надежнее, чем тело заголенное. Как же нынешняя крепкополая молодежь такого простого правила не усвоила? Впрочем, бог с ними, со стрингами и топлесными бюстами, я ведь совершенно не про них.

Наверное, надо бы сказать что-нибудь про себя, в конце концов, я планирую быть главным персонажем предстоящего литературного опуса. Но про себя говорить как-то не скромно. К тому же я уже упомянула про «старуху», что чистая правда. Если же судить по тону моего изложения или, как говорят специалисты, по стилистической направленности, то чуткий массовый читатель легко разберется, что жизнь меня если и покинула, то не до конца, и что есть еще мелкие радости, которые меня в ней привлекают. А это означает, что мой портрет пусть штрихом, но определен. Я вообще в вопросах изобразительных описаний минималистка.

Теперь следует рассказать, как именно я достигла договоренности с моим скучающим знакомцем Анатолем.

– Так давайте напишем книгу вдвоем, вместе, – сказал Анатолий, хотя энтузиазма я в его голосе не различила. Конечно, можно было предположить, что он расслаблен, но мне показалось, что он просто вял – взгляд вял да и голос. – Давайте напишем, – повторил он без напора, – я как раз сюжет подыскиваю.

Но я не ответила. Пусть разовьет мысль, может, она ему пыла поприбавит. И он действительно стал развивать:

– Например, вы станете описывать нашу с вами жизнь в этом заторможенном швейцарском раю. А я буду рассказывать историю вашего детства, которой вы намереваетесь со мной поделиться. – Он подумал и пожал плечами, как бы размышляя. – Может получиться интересно – во-первых, в книге возникнут два различных голоса, два стиля, раз мы будем писать с двух рук. Ну, а потом я подозреваю, что ваша история окажется занимательной, ведь не каждая женщина признаётся в том, что убила человека.

– Двух, – вставила я.

– Тем более. К тому же признаётся практически постороннему.

– Ну ладно, – усмехнулась я, – вы же не пойдете докладывать обо мне властям. Да и кто ведаёт, в чьей мы власти? – Тут я, как и полагается, выдержала философскую паузу, скрасив ее иронической улыбкой. – К тому же вам никто не поверит. Кто вы есть? Писатель, иными словами, человек с растревоженным воображением. Кто поверит, что пожилая дама, к тому же небезызвестная в интеллектуальных кругах многих европейских столиц, когда-то давно, почти девочкой, сознательно угрохала парочку весьма представительных мужчин? При этом одному из них снесла не только полчерепа, но и часть лица, представляете? С носом, щекой и верхней губой, которую он до этого постоянно растягивал в слегка снисходительной усмешке. Ничего, что я так подробно?

– Да нет, чем красочнее, тем лучше. Так как насчет книги?

Я улыбнулась. В общем и целом идея мне приглянулась. Конечно, я и без того занята собой без остатка – сауна, бассейн, массажи, фитнес, косметички, да и полуденные оздоровительные утехы с моим божественным Карлосом, да еще теннис, когда погода располагает. Но, подумала я, некое интеллектуальное разнообразие моему режиму не помешает, к тому же оно, говорят, тормозит наступление старческого слабоумия.

– Хорошо, – согласилась я, – только вот один вопрос, уважаемый господин сочинитель. Кто будет автором нашего совместного труда? Я имею в виду, чье имя будет значиться на обложке? Ваше, мое, нас обоих?

Его голубоглазое лицо тут же состроило серьезную гримасу. Все-таки он зануда, подтвердила я давнее познание: стоит возникнуть практическому вопросу, как сразу соответствующая деловая маска, иными словами, скучнейший штамп. Надо бы почитать, что он там понаписал прежде.

Но с другой стороны, из кого мне выбирать? Не так, чтобы вокруг меня топтались табуны предлагающих сотрудничество писателей. Вон обслуживающий персонал, он, конечно, топчется постоянно вокруг в томительном ожидании крупных чаевых. Да три-четыре старикашки, каждую неделю новые, тоже топчутся, пока не разберутся, что Карлос далеко не мой приемный внук. Ну и сам Карлос – тот тоже ежедневно топчется (простите за двусмысленность).

А вот из литераторов всего-навсего мой усталый друг Анатолий Тосс. Так что выбирать особенно не из кого, вот и не будьте, мадам, такой уж взыскательной, не пренебрегайте тем, что поблизости.

– Ну, мое имя будет обязательно, – легко поддался коммерческий Анатолий на мою невинную провокацию. – А ваше – как захотите.

– Да не захочу, – обрадовала я его. – Ни к чему мне авторство на старости лет. Не надо ни имени на обложке, ни портрета. Знаете, нет во мне тщеславия, может, и было когда-то, да все вышло давно.

– Как скажете, – он усмехнулся, кивнул. – В целом я уверен, что у вас отлично получится, язык у вас легкий, красочный, так что пишите, как чувствуете...

– Ну как же, – возразила я, – все-таки наверняка существуют какие-то законы жанра, как-то все надо расставить по местам: мизансцену, авансцену, героев, в смысле нас с вами, последовательность событий, диалоги, монологи, описания... в общем, не знаю.

– Не волнуйтесь, – перебил меня настойчивый Анатоль, – все само расставится. А жанр? Я ведь даже не знаю, о чем она, ваша история. Догадываюсь, что в ней присутствует детективный сюжет, но вот что еще? – Он пожал плечами. – Не просто ведь из любви к огнестрельному оружию вы лишили человека жизни? Что-то же послужило причиной?

– Конечно, послужило, – легко согласилась я. – И несложно предположить, что именно. Ну-ка догадайтесь, что может свести вместе пятнадцатилетнюю девушку, нешуточно заряженный револьвер и лоб взрослого, слишком уверенного в себе мужчины?

– Любовь, секс? – предположил Анатоль.

– Пусть так, – согласилась я. – Хотя, забегая вперед, скажу вам, мой друг, что все куда как запутаннее.

– Тогда начинайте рассказывать.

– Нет, нетерпеливый мой соавтор, серьезный рассказ требует серьезного настроения. К тому же меня ждет турецкая баня, с не турецким, но все равно умелым банщиком, с мягкими, знаете, такими мучными руками. Я ведь дама хоть и преклонных лет, но все еще тяготеющая к мелким удовольствиям. Не утратила до конца радости к жизни. Так что придется потерпеть до завтра.

И я встала и направилась в сторону здания, хранящего мраморный жар турецкой бани в самой сердцеvine Швейцарских Альп.

И вот вечер, я сижу и пишу. Но как-то не так, неправильно. Как-то кусками, отрывочно. Нет чтобы все подробно описать – откуда взялся Анатолий, как он выглядит, где происходит наш разговор, что мы при этом пьем, как одеты. То есть описать все подробненько, в соответствии с правилами классической литературы.

Да и почему я открылась Анатолию, поведая, как с незатейливой легкостью прострелила навывлет одного крайне важного персонажа из своей молодости? Получается, что причина чистосердечного признания осталась за кадром, и моему будущему читателю сия внезапная откровенность покажется совершенно необъяснимой.

А потому все надлежит переписать так, чтобы получилось детально и толково. Да и взятый мною тон слишком уж легкомыслен, к тому же не соответствует образу. Сами посудите – крайне пожилая, весьма обеспеченная, утонченная, неплохо образованная дама, а излагает откровенно развязно. Нет, мне полагается изъясняться солиднее и сдержанней, ну да, именно посуше. Ведь литературный талант как раз и заключается в том, чтобы автор вышел за пределы собственного «я». Во всяком случае, так считается. Во всяком случае, мне так говорили. Вот и следует мне проявить литературный талант. Ау, талант, где ты?

Ладно, хватит дурачиться, попробую по-другому.

Мы сидели за столиком открытого кафе; широкий, в желтую полоску зонтик нависал над нами, прикрывая от не такого уж жаркого, но тем не менее слепящего солнца. Внизу, далеко в долине, замер игрушечный городок, как будто кто-то щедрым взмахом рассыпал как попало аккуратные белые домики и прочертил, воз-

можно и пальцем, извилистые, но гладко накатанные дороги, расставив по обочинам крошечные, едва приметные автомобили.

Наш столик со вскинутым стоймя гигантским медузообразным опахалом, как и примкнувшее к нему кафе, как и сам отель с краснокожими от засохшей глины теннисными кортами и искрящимся от солнечных бликов бассейном, без которых пятая звезда на фасаде была бы обидной фикцией, расположился как раз посередине – между провалившимся до самого земного основания городком и нависшими, казалось, находящимися в постоянном движении вершинами гор.

Я вообще никогда не могла осмыслить их неподвижность, в моем представлении они должны были если не придвигаться друг к другу, рискуя раздавить городок под собой, то хотя бы кружиться в хороводе, пытаясь поменяться местами. Ведь признать их недвижимость означало бы признать саму идею вечности, что, во всяком случае, мне представить совершенно невозможно.

Тем не менее за четыре года, что я прожила здесь, в этой живописной глуши, я никакого движения ни у оснований, ни у вершин гор так и не заметила, хотя все еще не потеряла надежды, и поэтому каждое утро примеривалась взглядом – как там, не произошло ли за ночь какое-нибудь геометрическое изменение?

Так вот, мы сидели за столиком, передо мной стоял бокал «Шато де Пеньер», перед Анатодем в тяжелом, низком стакане покоился гладкой поверхностью скотч. Насколько я понимаю, он предпочитает «Single Malt»¹.

Анатоде рассеянно глядел по сторонам. Да и чего ему было искать на моем лице, разве что пересчитывать морщины, втиснутые в дряблость блестящей от крема кожи.

¹ Один из способов приготовления шотландского виски.

Во-первых – небольшое удовольствие, а во-вторых – поди-ка пересчитай их все.

Я не раз намеревалась сделать подтяжки, все эти новомодные косметические вмешательства в кожную поверхность с использованием шприцев, щипцов и прочих холодных хирургических инструментов, даже консультировалась у специалистов. Но когда узнала, что в процессе операции они полностью отделяют лицо от принадлежащей ему кожи, а значит, в наркотическом затмении я буду светить окружающим своей розовой мясной оболочкой, развлекая подкожной анатомией... Тут же мое эстетическое достоинство отвергло процедуру жестокой препарации. В конце концов, рассудила я, не перестанут же мои латинские мальчишки любить меня? К тому же, что им мои морщины? Они ведь не за плотью моей устремлены.

Я вообще порой удивлялась – особенно по утрам, разглядывая себя в зеркале: ну как они могут трогать, ласкать, целовать это усталое, высохшее, а лучше сказать – вялое тело, за которым мне и самой-то не слишком приятно ухаживать? Но мне-то от него никуда не деться, оно – моя пожизненная обязанность, с ним я успела смириться за время неспешного старения. А им-то зачем?

Взять, например, моего нынешнего прекрасного Карлоса, ведь как искренне у него все это получается – чувственно, с прерывистым дыханием, с трепетом в членах. Поначалу он норовил закрывать глаза, мол, я так улетаю, что белый свет не мил, но я ему запретила, пусть смотрит, гаденыш. Мне всегда нравилось, когда на меня смотрят, особенно если такими, как у него, глазами, дымчатыми, с поволокой, с миндалевидным, чуть-чуть азиатским разрезом.

– Мсье писатель, – обратилась я к Анатолию, – скажите, только не лукавьте, не бойтесь обидеть вашу приятную собеседницу. Вы могли бы заниматься со мной любовью, пусть даже неискренней и пусть даже без самозабвения? Только, повторяю, будьте откровенны.

Он оторвался от окружающей горной красоты, направил на меня свой светлый, равнодушный взгляд, задержал его, ясное дело, оценивая мои увядшие подробности, а потом спросил:

- Вы и вправду ждете откровенный ответ?
- Исключительно, – потребовала я.
- Тогда не смог бы.
- А за деньги? – Это становилось забавно.
- Вы же знаете ответ.
- А за большие деньги?

Если бы он спросил, что значит «большие деньги», я бы не смогла ответить. Действительно, сколько можно заплатить за сеанс любви? Ведь все равно не заплатишь столько, чтобы изменить жизнь человека, если он не голодает, конечно. Хотя какой там сеанс любви с голодающим? Я бы с голодающим не смогла – несмотря на все свои пороки, я сострадательна и наверняка бы для начала накормила беднягу.

- Я вполне обеспечен, – отказался он по-другому.
- Ну, а если бы вы были бедны? – не отставала я.

– Да к чему я вам, Кэтрин? – Он усмехнулся. – По сравнению с вашим Доном Карлосом я седеющий мужичок, годящийся ему в папашу.

– Ну, не скромничайте. Вы вполне привлекательный, и поверьте мне, я в этом разбираюсь, вы не были обделены женским вниманием ни прежде, ни теперь. А по поводу возраста вы просто непорядочно кокетничаете. Да и при чем тут вообще мой Карлос?

- Сколько ему лет? – спросил Анатоль.

Я посмотрела в сторону бассейна и, конечно, сразу же увидела своего латинского красавчика, лежащего рядом с эффектной белокурой девицей и что-то нашептывающего ей на ушко. Ничего, подумала я, даже хорошо, пусть мальчик поднаберется позитивных впечатлений и настроится на предстоящую подневольную обязанность.

– Кто его знает, – неуверенно призналась я, – разве ж он правду скажет? Говорит, что девятнадцать.

Анатолий тоже обернулся к бассейну и теперь вместе со мной разглядывал смуглое стройное тело, вытянутое на тонком синем пляжном матрасе.

– Ему, похоже, и есть девятнадцать. Так что я вполне мог его родить, в смысле – зачать по молодости.

– Да, перестаньте. – Я поморщилась. – С учетом того, что я вполне могла родить вас, как вы сказали, по молодости, получается, что Карлос легко сойдет мне за внука. – Я не смогла удержаться от смеха. – Зачем вы внушаете мне эту болезненную мысль? Теперь она наверняка будет преследовать меня и мою незамутненную сексуальную жизнь. Единственная надежда, что к вечеру я все забуду по причине подступающего старческого склероза.

Анатолий снова усмехнулся, но так ничего и не сказал.

– Вы знаете, – я даже стушевалась, – я ведь совсем немного ему плачу. Конечно, он живет на полном моем содержании, но это ведь ерунда, а так, наличными – очень немного. Не понимаю, зачем ему надо да и тем, что были до него, удовлетворять взбалмошную старуху. Я ведь, знаете, Анатолий, взбалмошна.

– Догадываюсь, – ответил он меланхолично, все так же озираясь на горные вершины.

– Нет, правда, зачем? Торчать в этой дыре, исполнять мои капризы, и чего ради? Неужели ради того, чтобы просто пожить в приличных условиях?

– Ну почему же? Здесь стимулы не материальные, скорее, психологические, – оживился мой собеседник. – Ваш верный Карлос с вашей помощью прикоснулся к миру денег и привилегий, во всяком случае, так он его себе представляет. Хорошая одежда, официанты за спиной, ухоженные белые девушки в бикини, иными словами – причастность к красивой жизни. Такое стоит трудов. К тому же, насколько я понимаю, для него и не такие уж особенные это труды.

– Но вы же отказались? – напомнила я защитнику сексуального неравенства.

– При чем здесь я? Я из другого мира. – Он пожал плечами.

– И где он находится, ваш мир? – поинтересовалась я.

– Да какая разница?.. – Его взгляд снова наполнился безразличием.

– Говорил ли вам кто-нибудь, милый мсье Анатоль, – возмутилась я, – что вы крайне таинственны? За неделю нашего знакомства я задала вам с десятков вопросов, пытаюсь узнать про вас хоть что-нибудь, но вы небрежно от них отмахнулись. Я по-прежнему в полном неведении, кто вы, откуда? Я даже ваш акцент не могу распознать. Мне только известно, что вы пишете книги, да и то с ваших слов. Вы мне вообще подозрительны. В том смысле, что я вас подозреваю.

Тут я окинула его пронизательным взглядом и развела недоуменно руками.

– Ну правда, что вы тут делаете уже почти две недели один-одинешенек, без знакомых? По окрестностям не гуляете, с местными достопримечательностями не знакомитесь. Иными словами, вы, Анатоль, весьма нетипичный курортник. А скорее всего, не курортник вовсе. Ну а так, как я, жить здесь годами, стать, как это называется, постояльцем... Какое все-таки жуткое слово «постоялец», вы не находите? – Он промолчал, и я продолжила: – Нет, на постояльца вы не похожи, возраст не тот, да и Карлоса вы с собой не прихватили. Потому что у каждого здесь должен быть свой собственный Карлос. Или своя, в конце концов.

Анатоль улыбнулся, хотя на меня по-прежнему не смотрел; взор его, ничем не обремененный, блуждал по горным склонам. Либо по долинам, я за взором не следила.

– А без Карлоса, – продолжила я, – или без его женского аналога только на белесых приезжих барышнях здесь долго не продержаться. Даже если каждую неде-

лю в Цюрих мотаться или в Париж. Вот и получается, что вы и не курортник, и не постоянный житель нашего опрятного заведения.

Я кивнула в сторону белого здания с зелеными кокетливыми балкончиками. Кто мог построить такое убожество? Не понимаю. И почему я живу в этом оскорбительном архитектурном недоразумении? Тоже не понимаю.

– К тому же я выяснила, у меня со здешней администрацией сложились весьма доверительные отношения: вы продлеваете бронь каждые три дня.

Ну наконец-то он оторвался от природы и посмотрел на меня, похоже, удивленно. Нет, наверняка удивленно.

– А что вы думали, – развела я руками, – чем еще может тешить себя преклонных лет женщина, если не слухами и сплетнями о вновь прибывающих постояльцах? Итак, вы продлеваете бронь каждые три дня. А значит, находясь здесь, вы чего-то ожидаете. Или кого-то? Кого? Чего? Давайте признавайтесь.

– Я не ожидал такого пристального внимания к своей скромной персоне, – признался Анатолий.

– А напрасно, – заметила я с укоризной. – И вот мой вывод: вы от кого-то скрываетесь. Ну сами посудите, какого рожна вас занесло в Швейцарию, да еще в такую глушь? Здесь на десятки километров – ни полицейского, ни других представителей и без того либеральных властей. Да и для чего им тут быть, здесь вообще ничего никогда не происходит. Так что выбор ваш я одобряю: наша живописная долина – лучшее место схорониться на время от чужих глаз. Никому и в голову не придет здесь вас искать. А теперь слушайте мою версию.

– У вас уже и версия наготове? Интересно, интересно, – живо отозвался Анатолий.

Именно живо, а значит, я все-таки ухитрилась вывести его из обычного вялого безразличия – вон как сразу засветились глаза.

– Я полагаю, что вы кого-нибудь убили! – начала я с наиболее насильственной версии.

Он даже присвистнул от неожиданности. Может, я действительно переборщила? Но что же теперь делать, не на попятную же идти? И я продолжала:

– Итак, вы от кого-то скрываетесь. Это мы уже установили. Давайте вместе подумаем, от кого и почему?

– Давайте, – согласился Анатоль.

– Вы не уголовный типаж. Значит, преступления типа грабежа или кражи со взломом мы сразу отмечаем. Что остается? Либо мошенничество в особо крупных размерах, либо убийство. Но вы же не банковский клерк, сидящий на мешках с деньгами. Вы даже не финансовый махинатор. Конечно, крупное мошенничество полностью исключать не следует, вы могли разработать какой-нибудь замысловатый планчик и, тщательно подготовив – вы же человек дотошный, его осуществить. Могли, конечно, но вряд ли. Не думаю. Вы не тот типаж, который будет рисковать ради денег. Ради денег рискуют либо идиоты, либо патологические авантюристы. Хотя идиотов, конечно, значительно больше.

– Вы уже и мой типаж определили, – покачал Анатоль головой.

– А как же? Да и что там типаж? – пожала плечами я. – Типаж – это проще простого. Типаж – это еще не индивидуальность. Ну что, продолжать, вам интересно?

– Да-да, – кивнул Анатоль.

– И тут всплывает главное: вы человек, который пишет книги. А для людей, которые склонны к усидчивости, сосредоточенности и одиночеству, я таких повидала на своем веку немало, деньги не главное. Им важно другое.

– Что же? – снова поинтересовался мой подозреваемый.

– Им важен контроль.

– Контроль? – переспросил Анатоль.